

Toch meende hij, toen de opera uit was, nooit meer op de eerste rij van den vierden rang plaats te nemen. In alle gevallen nooit meer met zoo een grooten kijker voor zich. En tevens den kijker, die hem in de handen zoo vreemd gewogen had en hem misschien, met de diepte samen, en om dat dwaze doelwit daarginds, die dolle obsessie had ingegeven... niet meê te nemen... hem daar te laten staan... met zijn twee zwarte torentjes... op den breeden richel... tegen de ijle van de beneden en overal leêg vloeiende zaal.

En vluchtte hij als de trappen af, bang, dat iemand hem na zo гоереп, dat hij zijn binocle vergat. <...>

ВОПРОСЫ:

1. В чем состоит необычность языка Кулеруса? Назовите хотя бы пять особенностей.
2. За счет чего в тексте возникает ощущение экзотической возбужденности?
3. Охарактеризуйте пунктуацию в приведенном фрагменте.
4. Найдите в тексте повторы и параллелизмы. Зачем они нужны автору?
5. Что такое «несобственная прямая речь» и как ее использует автор?
6. Проследите колебания настроения героя между полюсами «равновесие — одержимость».
7. Что вы знаете о Рихарде Вагнере (1813–1883)? Почему он был культовым композитором в среде европейских символистов?
8. Как вы думаете, чем закончится рассказ? Чтобы проверить, угадали ли вы, прочитайте вторую половину рассказа на сайте DBNL.

*И. М. Михайлова,
А. А. Пурин*

ГЛАВА 19

ЯН ХЕНДРИК ЛЕОПОЛД JAN HENDRIK LEOPOLD

(1865–1925)

Ян Хендрик Леополд — крупнейший нидерландский поэт-символист, один из самых блистательных и одновременно труднодоступных европейских авторов рубежа XIX–XX вв. Малоизвестный широкой публике, он оказал огромное влияние на нидерландских поэтов прошлого столетия, им восхищались такие любимцы читателей, как Жак Блум, Мартинус Нейхоф, Адриан Роланд Холст, Ида Герхард. Хотя опубликованное им при жизни вызвало исключительное восторженное отклики, издавался он крайне мало и неохотно: большая часть его сочинений, важное место среди которых занимают неоконченные фрагменты, опубликована посмертно.

Я. Х. Леополд происходил из семьи литераторов и учителей. Его отец Мартинус, дядюшка Любертус и множество родственников с отцовской и с материнской стороны служили в учебных заведениях и одновременно писали художественные сочинения или литературоведческие исследования. Так что жизненный путь Яна Хендрика, почти до конца своих дней проработавшего преподавателем латыни и греческого в Эразмовской гимназии города Роттердама, полностью соответствовал семейной традиции.

Таланты этого старшего из пятерых детей Мартинуса и Анны Элизабет Леополд проявились рано. В школьные годы он серьезно занимался рисованием (брал частные уроки) и музыкой (с помощью отца освоил фортепьяно, так как учителей музыки полагалось приглашать в дом только для девочек). В зрелом возрасте любовь Леополда к музыке отразилась в его увлечении филармоническими концертами и домашним музицированием (он много играл в четыре

Ян Хендрик Леопольд
(Фото)

руки с коллегами и учениками, в первую очередь — Бетховена, Баха, Шуберта, Чайковского и Сметану) и, главное, в фантастической, не имеющей равных во всей нидерландской поэзии музыкальности его стихов. Многим своим циклам и отдельным стихотворениям он давал музыкальные названия — «Скерцо» («Scherzo», 1894), «Вполголоса» («Sotto voce», 1896), «Листок из альбома» («Albumblad», 1922), некоторые его стихи построены по правилам музыкальной композиции, в частности, с соблюдением сонатной формы («Отцов эма стааллауцнов...» — «Капля вина», 1911).

С 1883 по 1889 г. Леопольд учился на классическом отделении Лейденского университета. В эти годы он был членом университетского литературного кружка, на собраниях которого студенты обсуждали античных авторов и читали немецкие, французские и английские стихи (Гейне, Шамиссо, Гюго, Мериме, Т. Мура), а также собственные произведения и переводы. В 1886 г. молодой поэт представил товарищам несколько своих переводов из Шандора Петефи, оказавшихся на поверку полностью сочиненными им самим. Примечательно, что студенты-лейденцы той поры совершенно не знали новых тенденций европейской поэзии 1870–1880-х гг. Они не интересовались даже соотечественниками — поэтами-«восьмидесятниками», совершившими грандиозный переворот в нидерландской словесности именно в годы студенчества Леопольда. С творчеством «восьмидесятников» Леопольд основательно познакомился уже в следующий, роттердамский период своей жизни.

В Роттердам Леопольд переезжает в 1892 г. после защиты докторской диссертации — учительствовать. Этот эlegantный, спортивный (коньки, лыжи, альпинизм) и остроумный человек, по облику и манере общения мало похожий на школьного преподавателя, всегда был любимцем своих учеников, прозвавших его

за необыкновенно высокий рост и своеобразную походку «ходячим спондеем». Многие из них позднее написали о нем мемуары. В частности, они вспоминают, что Леопольд иногда дарил им свои стихи — клал перед ними на парту страничку с переписанным от руки стихотворением, часто озаглавленным «Листок из альбома».

В начале 1890-х Леопольд начинает публиковаться в основном «восьмидесятниками» журнале «De Nieuwe Gids». Он навсегда останется верен этому печатному органу и, за одним исключением, не будет посылать стихов ни в какие другие издания. Параллельно он осваивает достижения самих «восьмидесятников» и необычайно увлекается Херманом Гортером (1864–1927), тоже филологом-классиком по образованию. Благодаря увлечению Гортером Леопольд быстро догнал лучших поэтов-сверстников и далее шел уже собственным путем, изучая, в частности, теорию и практику классиков символизма, прежде всего Стефана Малларме.

В 1896 г. в жизни поэта происходит событие, объясняющее, по мнению исследователей его творчества, трагическое одиночество Леопольда в зрелые годы. Невеста поэта Аффине Рейкенс, с которой он был обручен уже несколько лет, вышла замуж за его младшего брата Йоханнеса. Хотя Ян Хендрик после этого сохранил добрые отношения с братом и его женой и был искренне привязан к их детям (ко дню рождения первенца он написал и послал им колыбельную «Ставни заперты, ночь кругом...»), есть основания полагать, что разрыв единственной в жизни поэта помолвки послужил толчком к формированию у него болезненного недоверия к окружающим. Это недоверие, усугубленное прогрессирующей глухотой вследствие недолеченного отита, в молодости едва заметной, но с каждым годом все более затруднявшей общение с внешним миром, к концу жизни переросло в манию преследования и в итоге привело к полной изоляции поэта.

Помолвка с Афиной Рейкенс и последующий разрыв — единственный достоверный факт личной жизни поэта, в остальном остававшейся скрытой от его знакомых и близких. На основании его стихов исследователи строят различные догадки об его страстях и переживаниях, однако доподлинно о них ничего не известно. Он так никогда и не обзавелся семьей и домом — и всю жизнь прожил в наемной квартире.

Служебная карьера Леопольда также складывалась неблагоприятно. Его докторская диссертация и другие научные труды могли служить хорошим основанием для карьерного роста. В 1913 г. он подал заявление на замещение вакансии профессора Лейденского университета, однако не получил ее; в 1914 г. все ожидали, что он станет конректором Эразмовской гимназии, однако и это место занял другой; и, наконец, в 1917 г. ему снова было отказано в профессуре, на этот раз — в Гронингенском университете. Причиной неудач была, по-видимому, его глухота, которая крайне осложнила бы работу в университете (как, впрочем, затрудняла и преподавание в гимназии), и, вероятно, слухи о его тяжелом характере.

Противовес житейским неудачам Леопольд искал в поэзии и философии. Приблизительно в 1900 г. он открыл для себя Спинозу, после чего стал заниматься философией профессионально — переводить философские сочинения (в стихах и прозе), публиковать в философских журналах статьи (часто на латыни), готовить к изданию памятники античной философии. Спиноза был популярным автором в среде «восьмидесятников» — поэтов привлекал его пантеизм, созвучный их собственному восприятию природы. После 1900 г. «Этика» Спинозы помогла ряду литераторов этого поколения найти выход из тупика индивидуализма, в котором они оказались. Леопольд, обратившийся к Спинозе под влиянием Гортера, опубликовал в 1902 г. брошюру “Ad Spinozae opera posthuma” («Сочинения Спинозы, изданные посмертно»). Интерес к Спинозе подвел Леопольда к изучению стоицизма, что оказалось для него удивительно органичным. В 1904 г. он публикует свой перевод отрывков из сочинений Марка Аврелия под названием «Стоицеская мудрость» (“Stoïsche wijsheid”), в 1908-м — брошюру на латинском языке об этом философе-императоре, в том же году в Оксфорде выходит подготовленное им издание “Marcus Antonius Imperator ad se ipsum” («Марк Аврелий Антонин, Император наедине с собой»). Представления стоиков о мире как едином одушевленном организме, где каждая частица необходима и целесообразна и всякая наша мысль является составляющей мирового разума, а также многие иные, более частные, положения стоической философии воплотились в стихах Леопольда этого периода: «Дождь» (“Regen”, 1898), «Отцов вина стагатинов...» («Капля вина», 1911). Параллельно со стоицизмом поэт увлекается эпикуреизмом и в

1910 г. публикует переводы нескольких фрагментов поэмы Лукреция «О природе вещей», которым дает название «Из сада Эпикура» (“Uit den tuin van Epicurus”).

Постепенно увлечение стоицизмом вытесняется восхищением персидской поэзией и суфизмом. Немаловажную роль здесь сыграло общение с университетским товарищем Х. ван Влотеном, с чьими переводами арабской поэзии Леопольд познакомился еще в 1900 г. В 1906 г. Леопольд публикует собственную статью об Омаре Хайяме. Время от времени он переводит его четверостишия, а также стихи других персидских и арабских поэтов (Низами, Саади, Амира Хосрова, Абу Нуваса) — не обращаясь к оригиналам (этих языков он не знал), довольствуясь английскими, французскими, немецкими переводами и пользуясь консультациями Х. ван Влотена. Поэт настолько погружается в атмосферу восточной поэзии с ее диалектикой тщетности мира ипряного сладострастия, что его друзья начинают за него опасаться. Они боялись (и не напрасно), что это окажется тем наркотиком, который окончательно оторвет Леопольда от реальной жизни.

Леопольд не только перелагал поэтов Востока, но и писал оригинальные стихи в восточном духе (цикл «Восточное» — “Oosters”, 1911). Примечательно, что он не признавал различия между переводами и подражаниями и при издании своих переводов и переработок в 1922 г. настаивал на том, чтобы в сборнике не указывались имена авторов исходных текстов, которые все равно ничего не скажут нидерландскому читателю. Особенно знаменит его перевод 29 четверостиший Хайяма. В сознании современников Леопольд до такой степени отождествился с этим персидским мудрецом, что, например, поэтесса Ида Герхард (Ida Gerhard), его ученица по Эразмовской гимназии, облекла стихотворение о любимом учителе в форму рубаи.

Своеобразным синтезом увлечения античной и восточной философией стала поэма «Хеопс» (“Cheops”, 1915), повествующая о том, как душа могущественного фараона совершает посмертное путешествие в сонме других избранных душ по Вселенной, не знающей времени и пространства, сотворение которой происходит на наших глазах. Хаос недосотворенной Вселенной и необходимость быть *одним из избранных* настолько невыносимы для «сына бога», что он отделяется от скопища душ и возвращается в свою пирамиду с

ее совершенными геометрическими формами, где каждая фреска на стене восславляет только его, величайшего из великих.

После «Хеопса» Леополд работает над поэмой «Листок из альбома» (“Albumblad”, 1922), представляющей собой монолог человека, который собирает цветы по лесам, лугам и садам, чтобы дарить окружающим составленные из них букеты. В заключительной части поэмы обессиленный этим занятием герой ставит последний букет в стеклянную вазу на подоконнике, садится в кресло в своей одинокой комнате и, уронив голову на грудь, прислушивается к доносящимся с улицы детским голосам.

Общение с учениками гимназии оставалось в последние годы жизни поэта единственной нитью, еще связывавшей его с внешним миром: со всеми своими коллегатами, друзьями и родными он к тому времени уже порвал отношения. Однако глухота все более мешала преподаванию, и в 1924 г. Леополд вышел в отставку, намереваясь полностью посвятить себя литературе. В мае 1925 г. в литературных кругах торжественно отмечался его юбилей: к шестидесяти годам он неожиданно для себя оказался почитаемым поэтом. Через полтора месяца после юбилея и примерно через год после отставки Леополд умер от плеврита.

Запоздалое признание, восторженные статьи Марсмана, Роланда Холста, Нейхофа в посвященных поэту номерах литературных журналов — все это, казалось, никак не затрагивало самого юбиляра. «Вопросы, одни лишь вопросы насчет его жизни, как будто это средневековый поэт, некий аноним. Поэт, создававший стихи, приписываемые Леополду, остается анонимом, а ведь, по мнению профессионалов, он, после Вондела, — наш величайший поэт. Сегодня он оказывает сильнейшее влияние на молодую поэзию, поэты восхищаются им как никем другим, ему исполняется шестьдесят, и он живет среди нас, в Роттердаме, — вот жизнь, заставляющая вспомнить о великих фиванских затворниках», — писал в 1925 г. Мартинус Нейхоф.

Прижизненные издания сборников Леополда осуществлялись как бы против его воли. Изначальные стеснительность и нерешительность то заставляли его выдавать свои стихи за переводы, то прятаться за мнимое высокомерие, которое с годами, похоже, развилось в подлинное — и тогда уже напрямую стало удерживать его от желанных для всякого пишущего публикаций.

Как было сказано выше, отдельные циклы и поэмы он на протяжении всей жизни посылал в журнал “De Nieuwe Gids”, и только последняя его поэма «Листок из альбома» была опубликована другом журнале — “De Gids”. Однако первый отдельный сборник Леополда вышел достаточно поздно, в 1912 г., по настоянию другого поэта-символиста П. Баутенса (P. Voutens, 1870–1943), который хотя и был младше Леополда, но к этому времени успел уже выпустить несколько собственных книг стихов, принесших ему известность. Баутенс предложил Леополду собрать под одной обложкой стихотворения, публиковавшиеся в разные годы в “De Nieuwe Gids”. Леополд поначалу не возражал, но потом, когда книга «Стихи» (“Verzen”, 1912) уже печаталась, передумал, а после ее выхода в свет был крайне недоволен и книгой, и ее составителем (хотя и вежливо поблагодарил Баутенса за написанное им предисловие). Поэт тотчас же подготовил новую книгу с таким же названием (она вышла в 1913 г.), где к лирике «баутенсовского» сборника было добавлено несколько «объективно-повествовательных» стихотворений — в том числе «Рожденная песенка» (“Kerstliedje”), «Мельница» (“De molen”), «Дождь» (“Regen”), призванных, видимо, ослабить слишком личностный тон первого сборника. Тем не менее именно первый, чисто лирический, сборник получил наибольший резонанс, причем во многом — благодаря вступительной статье Баутенса. Употребленное составителем словосочетание «почти молчание» стало крылатым определением поэзии Леополда.

Тональность его стихов, — писал Баутенс, — едва слышное размышление. Почти молчание здесь — высшая добродетель; красота тишины, тронутой чуть заметной дрожью. Изящными стопами, едва касающимися земли, скользят эти фразы по тончайшим созвучиям рифм, а потом вдруг замирают в трогательной нерешительности перед неожиданностью грациозных переносов (enjambements), ни в каких других стихах невозможных. Так размышлять способны лишь самые нежные из нас, самые сильные в своей нежности. Такое переосмысление жизни в красоту — их божественная и крошечная месть за бесприютность существования. Их пугливое стремление порой отваживаются выйти из своего златосумрачного уединения на продуваемый ветрами простор нашего ненадежного мира, но затем, побитые и израненные, они всегда вновь возвращаются в свое одиночество. Чтение и перечитывание этих стихов доставило мне несколько недель счастья.

Кроме двух вышеназванных сборников, с одинаковым — про-
стым и изящным — названием “*Verzen*” («Стихи»), при жизни
поэта вышли еще три стихотворные книжки: “*Scheeps*” (1916),
“*Verzen*” (1920) и “*Oosters*” (1922). После его смерти изданием
его текстов занимались, с одной стороны, наследники Леопол-
да, с другой — крупные поэты, в частности — П. Н. ван Эйк
(P. N. van Eysk). К 1935 году П. Н. ван Эйк подготовил «Собрание
стихотворений» (“*Verzamelde verzen*”), а в 1952 г. благодаря его
же усилиям вышло «Собрание сочинений» (“*Verzamelde werken*”),
включающее, кроме стихов, прозу и переводы Леополда.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Зачем и почему Леополд выдавал в студенческие годы свои собственные стихи за переводы с венгерского?
2. Что роднит Леополда с символистами?
3. Какое воздействие оказал на Леополда Марк Аррелий?
4. Почему Нейхоф назвал Леополда «Фиванским затворником»?

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ¹

***

Om mijn oud woonhuis peppels staan
'mijn lief, mijn lief, o waar gebleven'
een smalle laan
van natte blaren, het vallen komt.

Het regent, regent eender te horen
'mijn lief, mijn lief, o waar gebleven'
en altijd door en
den treuren uit, de wind verstormt.

Het huis is hol en vol duisternis
'mijn lief, mijn lief, o waar gebleven'
gefluister is
boven op zolder, het dakebint.

Er woont er een voorovergebogen
'mijn lief, mijn lief, o waar gebleven'
met lege ogen
en die zijn vrede en rust niet vindt.

***

Mне в окна тополя шумят
«любовь моя, о, где ты, где ты»
и листопад
шуршит в аллее сырым листом.

И дождик — за слезой слеза —
«любовь моя, о, где ты, где ты»
в слезах из-за
тоски бездонной в окне пустом.

Дом гулкой тьмью полонен
«любовь моя, о, где ты, где ты»
и полон он
усталым сетованьем стропил.

В нем сторбленного мучит слух
«любовь моя, о, где ты, где ты»
чей взор потух
и дух унылый покою забыл.

¹ Переводы выполнены авторами этой главы.

***

Staren door het raam

Er is een leven in wat bewegen,
de takken beven een beetje tegen
elkaar. Een even beginnen schudt
elke boom: een bezinnen dit,

een schemeren gevend van eerste denken,
met loome vingers gaan zij wenken
wenken, wenken, brengen uit
een vreezend meenen nauw geuit.

En lichte dingen, herinneringen
lispelen zij, vertrouwelingen,
zouden wel willen, willen — dan dood
staan zij in de lucht, de boomen bloot.

De lucht, die leeg is en zonder ziel
waar uitgetuimeld de wind uitviel.

***

Ik zie den morgen als een gouden mist
van eigen rijkdom trage wade
een afehangen web van draden,
en nu in twist
vingertjes vechten, vingertjes vagen
door de ragen,

tafelen, halen de draden aan,
varen er in het losgegaan
weefsel, maken de fijne gazen
een plundering en de gevlochten mazen
wijden zij uit, werken er een begin
van scheuren, totdat er tusshen
blanke kalme handen komen
de edele twee, een gelaten paar,
die van elkaar

de omgeslagen vouwen schoven,
geruste handen langs wier boven —
vlakken in glanzenden val afglijden
de ruischende plooiën naar weerszijden,
en zoo bedaard met een lichte duw
tillen zij nu
het slaapgordijn,
zie, zie, hoe wel de dag mag zijn?

***

Глядя в окно

Жизнь есть, похоже, в каждом движенье
веток, в их дрожи при их сближеньи;
шорох итожа, объята дрожь
крону, и вся она стала сплошь

утренным сумраком первой мысли;
вялые пальцы как будто числят,
мыслят и числят, знак подают —
робкое знание приходит тут.

И упованье, воспоминанье —
в их шелестенье, почти желанье:
им бы хотелось!.. увьи, мертвы,
стынут они в немоте синевы. —

Сини, как прежде, пустой и бездушной,
только дохнувшей волной воздушной.

***

Я вижу утра дымчатый развод,
золотоктаную накидку,
где нитка цепко держит нитку,
но миг — и вот
пальчики, в споре, пальчики, в дрожи,
нити тревожат,

газ расптели, паутинки вьют
и в бахrome плывут,
вдруг превращая нежные ткани
в скопища брешей, всё глубже рая
эту вуаль, и разор сильней
вяза, пока не завидишь в ней
великолепные белые руки —
две чистоты как одну чету, —
что, на лету

пряди раздвинув, теперь скользнули
вниз в шелестящем легчайшем тюле
и, невесомы, текут вдоль складок,
вновь созида дивный порядок
в разворощенных живых шелках,
лишь еще взмах —
и завеса сна
взвита, и даль, погляди, ясна.

REGEN

De bui is afgedreven;
aan den gezonken horizon
trekt weg het opgestapelde, de rond-
gewelfde wolken; over is gebleven
het blauw; het kille blauw, waaruit gebannen
een elke kreuk, blank en opnieuw gespannen.

En hier nog aan het vensterglas
aan de bedroefde ruiten
beeft in wat nu weer buiten
van wonderigs in opstand was
een druppel van den regen,
kleeft aangedrukt er tegen,
rikt in het kille licht...

en al de blinking en het vergezicht,
van hemel en van aarde, akkerzwart,
stralende waters, heggen, het verward
beweeg van menschen, die naar buiten komen,
ploegpaarden langs den weg, de oude boomen
voor huis en hof en over hen de glans
der daggeboort, de diepe hemeltrans
met schitterzon, wereld en ruim heelal:
het is bevat in dit klein trilkristal.

ДОЖДЬ

Гроза ушла далёко;
за просветлевший горизонт
относит опаленный дымный зонт
напроможенных туч; но здесь высоко
сияет стынть лазури оголенной,
омытой вновь и вновь новорожденной.

А на заплаканном стекле
оконном, забывая
о ветре, капля дождевая
слезой дрожит на хрустале,
лучами упиваясь
и к раме прижимаясь
в сверканье ледяном...

и весь тот блеск, что виден за окном, —
земли и сини мощный оком,
лучащиеся воды, чернозем,
движенье лошадей, людей, спешащих
на воздух, глянец листьев шелестящих,
ловящих дня родившегося свет,
небес бездонных хоры, ход планет,
весь вечный мир, что снова заблистал, —
всё заключает крохотный кристалл.

* * *

O brug, hoog omgebogen, wie betraden
uw op en neer met mijmerende voet?
En welke kleurenmengelende stoet
bewoog er langzaam over de arcaden?

Gescherpte boog met krommend middenzwichten
de donkre spanning van uw punten laat
alom zich zien en op den zenuw staat
het zilvren afgaan van de harde schichten.

* * *

О мост высокий, кто крутые скалы
твой топтал задумчивой стопой,
какой проточно-пестрою толпой
отягощались прочные аркады?

Точеный лук с тугую тетивою
и темной дрожью в натяженье жил,
ты мир вокруг себя заворожил
летащей вдаль серебряной стрелою.

DUIZEND EN ÉÉN NACHT

Zij kwam en droeg en wá melkwit en zacht
en hare oogen waren ingevangen
in mijmering; de rozen harer wangen
zegenden Hem, Die ze had voortgebracht.
En ik: gij gaat voorbij en ziet mij niet,
terwijl dat ik mij geef in uwe handen
als het gewillig lam der offerande,
dat zelf zijn gorgel aan den slachter biedt.

En zij: laat af van spreken en geniet
des Schepers gave in stilte van bezit;
wit is mijn lijf en wit is mijn gewaad,
wit mijn gezicht en wit mijn levensdraad
en dit is wit op wit en wit op wit.

Zij kwam en droeg een stroomend vlammenkleed
rood als haar hoogmoed zonder mededoogen
en ik riep uit verwonderd en bewogen:
gij, die u blanker dan het maanlicht weet,
hoe durft gj komen met een wangenpracht,
waarop de druppels onzes harten tronen,
en met het trotsch satijn der anemomen!
En zij: de morgen leende eerst zijn dracht,
nu werd de middagzon mijn bondgenoot;
rood zijn mijn wangen, rood het bloedsatijn,
rood is mijn mond, rood de gedronken wijn
en dit is rood op rood en rood op rood.

Zij kwam en droeg nachtzwart een slippenkleed
en sloeg haar ooggen afwaarts van mijn schande
en ik: ziet gj dan niet, hoe mijn vijanden
uitbundig zijn over mijn diepste leed?
O nu besef ik al mijn wanhoopssmart!
Zwart zijn uw ooggen en zwart zijn uw haren
zwart is uw kleed, zwart zijn mijn levensjaren
en dit is zwart op zwart en zwart op zwart.

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

Она пришла в одежде белоснежной,
и был ее невинно-млечен вид,
благословляли лепестки ланит
Того, Кто ею был рожден над бездной.
И я ей: вот идешь ты, но меня
едва ли замечаешь — в час, когда я
спешу вслед, как агнец, припадая
к руке, влекущей в жертвище огня.
Она: оставь сомненья и смелей
дарованное свыше в чашу лей,
белым-белы лицо мое и тело,
вся суть бела и одеянье бело —
и нет на свете белото белей.

Она пришла в пыланье ярко-алом,
в цвету высокомерных анемон,
в их глянце, — и вскричал я, потрясен:
ты, бывшая сияньем небывалым
и состраданьем, светом лунным, — ты
теперь явилась разрывать сердца нам —
затем, чтоб жар добрать своим румянам!
Она: те утро мне дало черты,
а ныне знойный день со мной дружнее,
краснее щек кровавой мой сатин,
красны мои уста от страстных вин —
и нет на свете красного краснее.

Она пришла, одетая, как ночь —
а то черней, и безразличье зора
не снизошло до моего позора.
И я: взгляни, потешиться не прочь
враги над безутешностью моей! —
черным-черны твои шелка и очи,
и дни мои чернее черной ночи —
и нет на свете черного черней.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Напишите дословный перевод (подстрочник) выбранного вами стихотворения. Что вызывает наибольшие затруднения при переводе? Сравните ваш перевод с приведенным стихотворным. Найдите отличия и постарайтесь их объяснить.
2. Стихи символиста Леополда можно читать на разных уровнях: как описание реальных событий или состояний, как изображение внутреннего мира человека, как философское иносказание, как воссоздание творческого процесса. Попробуйте выявить эти — а возможно и другие — уровни в выбранном стихотворении.
3. Слышите ли вы музыкальность стихов Леополда?
4. Выучите одно из стихотворений наизусть (не пожалеете).